

— Чжоучжоу, я сегодня после занятий хочу зайти с товарищем в книжную лавку. Ты не против?

Закончив завтракать, Гу Чжао по привычке скинул домашнюю куртку и принялся облачаться в академическое платье. Ли Чжоучжоу, помогая мужу поправить шапку, кивнул:

— Если нужно — иди, конечно. Я проходил мимо тех лавок, они совсем рядом с домом. Подожди минутку.

Он достал из шкафа кошель и вытащил оттуда целый лян серебра.

Все четыре ляна, что Гу Чжао принес в дом, он сразу отдал супругу на хранение. Чжоучжоу поначалу пытался уговорить мужа оставить деньги себе — ведь ученому вечно нужны то бумага, то хорошие кисти, — но тот лишь отмахнулся:

— Ой, я же такой рассеянный, вдруг потеряю? Ты, Чжоучжоу, лучше храни их у себя, а мне выдавай понемногу на мелкие расходы.

С тех пор Чжоучжоу каждое утро вручал мужу по десять взней. Сначала давал двадцать, но Гу Чжао запротестовал: мол, завтракаю и ужинаю я дома, в академии кормят обедом, на что мне столько? В итоге сошлись на десяти. Но поход в книжную лавку — дело иное, там за хорошую книгу могут запросить немало.

— Не нужно мне серебра, — улыбнулся Гу Чжао. — Это Чжэн Хуэй собрался покупать, а я так, за компанию присмотрюсь. Если что-то приглянется — загляну через пару дней, возьму оригинал под залог и сам перепишу.

О такой возможности он узнал от того же Чжэн Хуэя. Лавочники часто шли навстречу студентам: печатные издания стоили дорого, рукописные копии других учеников — вполовину дешевле. Но самым выгодным было оставить залог, забрать книгу домой и переписать её собственноручно. Главное — вернуть оригинал в целости, без единого пятнышка или залома. В таком случае знания обходились в треть цены, а если считать затраты на свою бумагу и тушь — то в сорок процентов. Гу Чжао такой подход нравился: пока переписываешь, волей-неволей вникаешь в суть текста.

— И всё же возьми, — настоял Ли Чжоучжоу, вкладывая монету в руку мужа. — Вдруг встретишь ту самую книгу, которую захочется забрать немедленно?

Супруг, подумав, согласился. Сложив серебро и поправив сумку, он нежно коснулся губами щеки Чжоучжоу:

— Ну, я побежал на учебу!

Ли Чжоучжоу проводил его до ворот, невольно улыбаясь вслед.

Прошло уже пять дней с тех пор, как отец уехал, а муж начал ходить на занятия. Юноша дождался, пока фигура Гу Чжао скроется за поворотом переулка, запер засов и принялся за дела.

Перемыл посуду, подмел в комнатах и во дворе, перестирал и развесил белье, наколот дров, вынес просушить одеяла... Не прошло и двух часов, как работа закончилась. Оставшись в тишине, он задумался: а не завести ли кур? Возле отхожего места как раз можно было сладить загон. Семи-восьми птиц хватило бы за глаза — только для себя, не на продажу. Мужу сейчас нужно больше сил для учебы, а домашние яйца и свежее мясо — лучшее подспорье.

Решено — сделано. Взяв корзину и кошель, Ли Чжоучжоу отправился на рынок за продуктами и цыпятами.

В переулке он столкнулся с соседкой.

— Доброго дня, тётушка Сюй!

— И тебе доброго, Ли-фулан! На рынок собрался? Сегодня там огурцы да люффа — загляденье, совсем нежные, я только что взяла, — посоветовала женщина.

Это была мать семейства Сюй, бабушка того самого Сяо Вэня. Ей было за сорок, и в округе её уважали. Рассказывали, что когда-то она тоже снимала здесь жилье, в одиночку тянула лавку с баоцзы, пока сын подрастал, а муж надрывался на тяжелых работах. За несколько лет они скопили достаточно, чтобы выкупить этот двор, женить сына и дожидаться внука.

— Глянь-ка, какая прелесть, — тётушка Сюй приоткрыла свою корзину. — Как выйдешь из переулка на главную улицу, у второго торговца бери. Я целую корзину набрала, еще и вэнь сторговала. Ты не робей, не стесняйся цену сбивать, в городе без этого никак.

Чжоучжоу поглядел на огурцы — на кончиках еще желтели цветы, а кожица так и сияла свежестью.

— Спасибо за совет, тётушка, обязательно загляну.

Проводив соседа взглядом, тётушка Сюй вернулась в свой двор и тут же поймала внука, который пытался проскользнуть мимо неё, пряча что-то за спиной.

— А ну стой! Что там у тебя? Опять баоцзы для Саньнян из соседнего двора утащил?

— Нет... — мальчишка замотал головой.

Она не поверила. Внук совсем голову потерял из-за этой девчонки — мал еще, а уже таскает со стола угощения, чтобы ей угодить. Впрочем, старушка не хотела судить строго. Они жили бок о бок с семьей Чжан уже десять лет. Она видела, как госпожа Чжоу одного за другим рожала дочерей, отчаянно желая сына, да всё впустую. То ли дело её невестка — с первого раза принесла в дом наследника.

— Ладно, не бойся, — смягчилась она. — Покажи бабушке, что там у тебя. Неужто и впрямь не булка?

— Не булка, — Сяо Вэнь, поверив, зашептал: — Только маме не говори, ладно?

Мальчишка разжал ладонь. На ней лежала красная шелковая лента для волос, украшенная тонкой вышивкой. Тётушка Сюй сразу её узнала: сын купил две такие ленты. Одну, лиловую, подарил матери, а красную — жене. Лента была дорогой, не чета простым шнуркам.

— Ты зачем у матери вещь взял? — голос тётушки Сюй посуровел. Она уже догадывалась об ответе.

— Я тогда её напугал... Саньнян плакала и теперь со мной не играет. Булку она брать не хочет, а ленты красные любит...

— Так если она золота захочет, ты из дома золото понесешь? — возмутилась женщина. Сяо Вэнь, почуввав неладное, втянул голову в плечи.

***

На главной улице Ли Чжоучжоу купил огурцов, пекинской капусты и яиц. Для себя на обед он решил просто сварить лапши, а вот на ужин, к возвращению мужа, можно будет приготовить яйца с огурцами и поджарить мясо с луком. Отыскав торговца птицей, он выбрал девять курочек и одного петушка. Продавец, видя хорошего покупателя, отдал корзину в придачу, чтобы удобнее было нести.

«Вечером будет чем заняться — нужно справить загон побольше»

Думая об этом, Ли Чжоучжоу возвращался домой.

Проходя мимо уксусной лавки, он заметил, что госпожи Чжан на месте нет. Какой-то покупатель громко звал хозяев, и из недр дома торопливо выскочил муж соседки:

— Иду-иду! Сейчас налью!

Обычно за прилавком всегда стояла госпожа Чжан. Ли Чжоучжоу не придавал этому значения, не зная, что за соседними заборами разыгралась настоящая драма.

Узнав о ленте, тётушка Сюй не на шутку рассердилась. Сердце бабушки всегда на стороне своего ребенка, и хоть внук был неправ, когда пугал девчонку, но он ведь уже извинился! А эта маленькая Саньнян, видать, себе на уме: булки ей не нужны, подавай шелка дорогие. Двадцать вэней за ленту — не шутка!

Она забрала вещь, отвела внука к матери и рассказала всё как есть. Невестка, Хуаньнян, побледнела. Она сама эту ленту берегла, надевала по праздникам, и поступок сына её огорчил. Но, будучи женщиной тихой, она лишь прошептала:

— Матушка, Сяо Вэнь ведь еще не успел её отдать. Может, не будем шуметь? С Чжанами ссориться не к лицу...

— Кто говорит о шуме? — отрезала тётушка Сюй. — Я просто укажу им на их место. Сегодня он ленту у матери взял, а завтра — серебро из кошель понесет? Этого допускать нельзя. Положи-ка в миску пару баоцзы с фасолью, я схожу к ним.

Хуаньнян послушно выбрала самые свежие булочки. Бабушка взяла внука за руку и подбодрила:

— Не бояться, Сяо Вэнь. Сейчас мы с Саньнян договоримся, и она снова будет с тобой играть.

— Правда?! — мальчик просиял.

Тётушка Сюй погладила его по голове, думая про себя, что внук всем хорош, да только сердцем в мать пошел — такой же мягкий да бесхитростный, любой его вокруг пальца обведет.

Когда они постучали к Чжанам, госпожа Чжоу, оставив лавку на мужа, вышла встречать гостей. Её старшей дочери исполнилось двенадцать — возраст, когда пора присматривать жениха и учиться рукоделию, а не стоять за прилавком. Старшая вышивала в комнате, средняя плела тесьму на продажу, а пятилетняя Саньнян вертелась рядом.

— Тётушка, что ж вы в такой час? Дел, небось, невпроворот? — улыбнулась госпожа Чжоу.

— Да вот, пришла за своего сорванца перед твоей дочкой извиниться, — тётушка Сюй поставила миску на стол.

Хозяйка дома поначалу отнекивалась — мол, дети повздорили, чего взрослым встречать? Но соседка настояла:

— Бери-бери, пусть девочки полакомятся.

Пришлось согласиться. Девять вэней за три булки — невелика цена, придет соседка за уксусом — сделает ей скидку. Но не успела госпожа Чжоу поблагодарить, как тётушка Сюй добавила с елейной улыбкой:

— Ох, если б Саньнян и эти баоцзы не приняла, я б и не знала, что еще моему дуралею в голову взбредет. Он ведь, сердешный, так расстроился, что выкрал у матери ленту шелковую, в двадцать вэней ценой, и хотел ей нести. Мать её любит, не отдает, а он — в слезы: «Отдай, — говорит, — а то Саньнян со мной больше не играет». Еле отобрали! Вот и привела его, чтоб при тебе извинился, а Саньнян пускай булочки кушает и больше не дуется. Мы ведь столько лет соседи, зачем детям из-за пустяков ссориться?

Улыбка сползла с лица госпожи Чжоу. Она всё поняла. Принесли три дешевых булки, а гонору — будто золотом осыпали. Да еще и выставили её дочь корыстной девчонкой, которая вертит соседским пацаном как хочет.

— Ох, тётушка, стоило ли из-за такой мелочи беспокоиться? — ответила она, не оставаясь в долгу. — Что Сяо Вэнь жуков Саньнян на голову кидает — так я знаю, мальчишки — народ грубый. Дочка моя после того случая по ночам вскрикивала, так я её дома держу, чтоб не пугалась лишний раз. Ваш внук — ребенок простой, бесхитростный, как и вы говорите, — озорничает, не думая. А вы уж и за подарки взялись...

Дамы обменялись еще парой колкостей, прикрытых вежливостью, и формально помирили детей. Но стоило тётушке Сюй уйти, как госпожа Чжоу с грохотом захлопнула ворота. И тут же принялась «воспитывать» дочерей, крича так, чтобы соседи слышали каждое слово:

— Ишь, глаза завидущие! Булок им подавай! Да хоть бы и отравиться, лишь бы даром! Кто знает, что там за люди их пекли, может, у них и душа такая же черная, как та фасоль!

Тётушка Сюй в своем дворе лишь сплюнула. Эта соседка — змея подколодная, неудивительно, что боги ей сына не дают. Обозвала её внука «простым» — считай, дурачком назвала!

— В обед курицу зарежем! — велела она невестке. — Чего её кормить, если толку нет? Курица, которая яиц не несет, только на суп и годится!

Хуаньнян оторопела: почему вдруг резать? Лишь на следующее утро, собирая яйца, она поняла: свекровь так побольнее уколола госпожу Чжоу, у которой тоже «толку нет» — одни девки в доме.

***

Ли Чжоучжоу, возившийся с загонем, слышал эти крики. Про кур, которых «пора на суп», он

понял буквально: городские, видать, люди богатые — не несется птица, так сразу в котел. Он продолжил работу, и вскоре к нему заглянула госпожа Чжан с миской домашних солений.

— Давно хотела зайти, да всё недосуг был, — приветливо начала она. — Не помешаю?

Хозяин Ли радушно пригласил её присесть, переложил соленья, вымыл миску и в благодарность насыпал в неё жареного арахиса.

— Это наш, деревенский. Сам готовил, муженек мой очень любит такой, соленый. Угощайтесь.

Соседка не чинилась: одну орешину себе, другую — младшей дочке в рот.

— Ох, и впрямь вкусно!

Чжоучжоу не знал истинной причины визита. После ссоры с Сюями госпоже Чжоу нужно было с кем-то поделиться обидой. Семья ученого Ли подходила идеально: новые люди, спокойные, да и муж — сюцай, уважаемый человек.

— Видел бы ты, Ли-фулан, — изливала душу гостя, — как они сначала девчонку мою жуками пугают, а потом приходят с булками этими несчастными... Еще и про кур несносящихся кричат на всю улицу. Это ж мне в лицо плюют, на большую мозоль наступают!

Она прижала платок к глазам. Юноша, не зная, как утешить, подлил ей чаю и решил рассказать о себе:

— Не принимайте близко к сердцу, госпожа Чжан. Мне вот в деревне пророчили, что судьба у меня тяжелая, характер суровый, а родинка гэ'эра такая бледная, что её и не видать вовсе — мол, вылитый мужик.

Соседка перестала плакать и с интересом уставилась на него. В первый день она и впрямь приняла его за мужчину.

— В пять лет матушка моя преставилась, — продолжал Чжоучжоу, — отец забрал меня и ушел на пустырь. Жили бедно, не то что в округе — с малых лет в поле спину гнул. Когда восемнадцать исполнилось, свахи всё вдовцов да чахоточных предлагали, а то и вовсе голытьбу беспутную.

Госпожа Чжоу ахнула:

— И ты не пошел? Это ж чистая погибель!

— Отец мой не позволил, — улыбнулся Ли Чжоучжоу. — Я у него один был, вот он и решил примача в дом взять. Нашли муженька, когда мне девятнадцать было, а ему — шестнадцать. С тех пор жизнь и наладилась. В деревне говорили: «Кто вначале горя хлебнул, тому в конце счастье улыбнется».

Он искренне хотел поддержать соседку. По его меркам, та жила припеваючи: в поле не гнется, три дочки — красавицы и помощницы. Чего горевать?

— А давно вы с Гу-сюцаем женаты?

— Мне сейчас двадцать один, ему девятнадцать. Три года как вместе.

Госпожа Чжоу невольно глянула на его живот. Чжоучжоу, заметив этот взгляд, спокойно добавил:

— Родинка у меня бледная, так что мы решили не торопиться. Сначала здоровье поправим, а там как бог даст. Муженек мой говорит, что торопливость в этом деле ни к чему.

Он даже пересказал ей советы Гу Чжао о том, как важно беречь силы. После этого разговора гостья окончательно приободрилась. По сравнению с «горькой полыньё», которую пришлось исхлебать этому гэ'эру, её жизнь казалась сахаром. Она-то троих родила, значит, нутро здоровое. А у Ли Чжоучжоу родинки и вовсе не видать.

— Заходи и ты ко мне, Ли-фулан, — тепло сказала она на прощание. — Если чего не знаешь или совет нужен — не стесняйся.

Чжоучжоу проводил её, чувствуя, что теперь в словах соседки нет прежней ледяной вежливости. Она говорила от сердца. Правда, он так и не понял, почему его рассказ о былых бедах подействовал на неё столь чудесным образом.

***

Академия Цинпин

На следующее утро Гу Чжао по обыкновению пришел за четверть часа до начала. Сразу заметил, что за его партой появился новый ученик. По списку это был тот самый первый номер их потока — лучший из лучших.

«Ого, настоящий отличник!»

Стоило ему подойти, как Чжэн Хуэй принялся корчить ему рожи и подмигивать. Гу Чжао, проигнорировав его, вежливо обратился к новичку:

— Доброго утра, соученик. Мы из одного набора. Я — Гу Чжао, из деревни Сипин.

Отличник отложил книгу и ответил коротко:

— Янь Цзиньсинь, из деревни Яньцзя.

— А почему ты мне вчера не отвечал, когда я спрашивал? — встрял Чжэн Хуэй, подскочив к ним. — Гу Чжао спросил — и ты сразу назвался!

Янь Цзиньсинь промолчал, снова погрузившись в чтение. Чжэн Хуэй уже набрал воздуха, чтобы возмутиться, но Гу Чжао решил вмешаться. Они хоть и новички, но всё же взрослые люди, негоже затевать ссору.

— Брат Чжэн, мы сегодня идем в книжную лавку?

— Идем! — тут же отвлекся тот.

— А книгу, что ты купил на днях, дочитал? Обещал ведь дать посмотреть.

— Хе-хе, так ты ж говорил, что тебе неинтересно? Раскаиваешься теперь? Я ж говорил — вещь стоящая! Завтра принесу, — Чжэн Хуэй расплылся в улыбке, напрочь забыв про соседа.

Гу Чжао не питал интереса к тому чтиву — судя по пересказу, это была слезливая история о любви богатой красавицы к бедному студенту. Он лишь хотел избежать драки.

Занятия в академии шли по заведенному порядку. А через день пополудни наступало время четырех искусств: этикета, игры на цине, математики и стрельбы из лука. Для большинства эти уроки были временем, чтобы расслабиться или втихаря поучить основной предмет. Но Чжэн Хуэй эти занятия обожал.

Сегодня как раз должны были быть математика и стрельба.

Когда утренняя часть закончилась, Чжэн Хуэй первым сорвался в столовую. Гу Чжао обернулся к отличнику:

— Брат Янь, идете обедать?

Но Янь Цзиньсинь лишь холодно глянул на него и отвернулся. Всем своим видом он показывал, что не желает иметь дел с бездельниками.

Гу Чжао только и оставалось, что удивленно приподнять брови.

— Да я еще вчера хотел сказать, — зашептал Чжэн Хуэй, когда они вышли, — он поселился со мной в одной комнате. Я по-доброму к нему, лампу свою предложил, смотрю — одеяла у него тонкие, спать жестко, предложил свое запасное... А он как взорвется! Кричит: «Ты меня оскорбляешь!»

Янь Цзиньсинь, шедший неподалеку, резко обернулся:

— Не смей клеветать! Я человек разумный и за помощь поблагодарил. Но твоя «доброта» была чистым издевательством!

— Это в чем же?!

— «Знаешь ведь, что в академию едешь, неужто родители твои такие нерадивые, что даже одеяла нормального не собрали?» — это не твои слова? — лицо Янь Цзиньсиня исказилось от гнева. — «Пользуйся, мне не жалко, всего лишь лампа, чего ты как баба над ней дрожишь» — и это тоже не ты сказал?

Чжэн Хуэй оторопел:

— Ну... я. А что не так? Ты приехал поздно, вещей нет, я и спросил — мол, неужто домашние не доглядели? И лампа — ну правда, чего над ней трястись? То зажжешь, то погасишь... Я и сказал — жги сколько влезет, не жалко мне. Где тут оскорбление?

Гу Чжао всё понял: столкнулись беспардонная прямота и обостренное самолюбие.

— Брат Чжэн, брат Янь, полно вам! — примиряюще сказал он. — Чжэн Хуэй человек прямой, на сердце у него что на языке, и уж точно он не хотел обидеть ни тебя, Янь-сюн, ни твоих родителей.

Товарищ, осознав, наконец, как его слова прозвучали со стороны, смутился:

— И в мыслях не было мать твою задевать... И про «бабу» — это я так, к слову, мол, не стоит из-за мелочей переживать. Лампа — она и есть лампа...

— Оставим лампу, идемте есть, — Гу Чжао заметил, что гнев отличника угас. — Если не поторопимся, в столовой всё разберут, а я не намерен платить за мясные блюда лишние деньги.

Услышав о лишних тратах, Янь Цзиньсинь перестал колебаться. Чжэн Хуэй зашагал рядом:

— Да ладно вам, если не хватит — я угощаю!

«Благородный муж не принимает подачек!» — судя по лицу, Янь Цзиньсинь снова готов был взорваться.

— Остынь, — бросил Гу Чжао, не оборачиваясь. — Тебе отец на карманные расходы дает не так много, и после покупки книг у тебя в кошельке ветер гуляет. Нечего строить из себя богача. К тому же, зачем платить, если есть бесплатное? Тем более что платная еда там... — он многозначительно поморщился.

— И какая же она? — с любопытством спросил отличник. Обида окончательно испарилась — оказалось, Чжэн Хуэй вовсе не так богат, как казалось.

— В бесплатной хотя бы можно найти крошки от яиц или каплю жира, а вкус везде один. Платить за это — только деньги переводить. Я не такой дурак, как наш приятель.

Янь Цзиньсинь невольно хмыкнул.

— Постой-ка! — возмутился Чжэн Хуэй. — Это ты сейчас меня дураком назвал?!

— Брат Чжэн, ты ведь человек широкой души, не сердись на правду, — Гу Чжао шутливо поклонился.

Чжэн Хуэй рассмеялся:

— Ладно, прощаю. Не такой уж я и скупой.

— Прошу прощения, я ошибся на ваш счет, — серьезно произнес Янь Цзиньсинь, обращаясь к Гу Чжао. — Утром я принял тебя за человека, который только и умеет, что заискивать перед богатеями.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Чжэн Хуэй. — У меня с детства язык — враг мой. Отец и в академию-то меня отправил, чтоб я семейную лавку не разорил своими речами.

Недоразумение было исчерпано, и о вчерашнем больше не вспоминали. Трое официально познакомились: Чжэн Хуэй был самым старшим, Янь Цзиньсиню исполнилось двадцать два года, а Гу Чжао был среди них младшим. Впрочем, Янь Цзиньсинь открыл книгу поздно — лишь в двенадцать лет, но зато сдал экзамены с первой же попытки. Настоящий талант! Особенно ему удавалось стихосложение, что было слабым местом Гу Чжао.

— Значит, буду просить у тебя совета, Янь-сюн, — улыбнулся Гу Чжао. — Стихи — совсем не мое.

Янь Цзиньсинь принял это за вежливую скромность. Он и не подозревал, что товарищ говорит

чистую правду.

После обеда Чжэн Хуэй хотел сбежать в общежитие за своей книжкой, но Гу Чжао отговорил его: не стоит таскать сомнительную литературу в класс, если наставник заметит — не оберешься проблем.

— Ты забыл? Днем у нас «искусства», стрельба да счета. Кто там смотреть будет? Я её припрячу, не волнуйся! — и он умчался.

Во время перерыва в классе было тихо. Янь Цзиньсинь заметил, что Гу Чжао сосредоточенно что-то пишет. Решив, что товарищ повторяет урок, он заглянул через плечо и удивился: на бумаге были простейшие иероглифы, которые учат дети в первый год.

— Это что же?

— А, это учебное пособие, — невозмутимо отозвался Гу Чжао. — Почти закончил. Завтра начну учить супруга грамоте.

На обложке он вывел: «Маленький учебник для Чжоучжоу», а рядом нарисовал аккуратное сердечко.

Хе-хе.

<http://bllate.org/book/15349/1427804>